

Одним из эффективных способов обучения детей является проведение игровых занятий с ними, в ходе которых они совместно с педагогами отрабатывают правила поведения при пожаре, а с помощью физических упражнений развивают ловкость, сноровку и реакцию.

В современных условиях значительно возрастает роль семьи в формировании безопасности детей. Семья, детский сад и общественность - это главные социальные институты, отвечающие за воспитание и обучение детей дошкольного возраста. Они играют ведущую роль в становлении и развитии личности ребенка.

Формирование положительной мотивации дошкольников к безопасности жизнедеятельности, прежде всего, зависит от целенаправленной организованной совместной работы родителей и воспитателей дошкольных учреждений. С целью формирования представлений о пожарной безопасности дошкольников очень важно привлечь к этому процессу не только педагогов, но и родителей.

Именно в семье закладываются основы безопасности человека, его здоровья. Родители своим примером формируют отношение ребенка к собственному здоровью, окружающей природной среде, к безопасности в быту и т.д. Семья - это первая общественная ступень в жизни человека. Она с раннего возраста направляет сознание, волю и чувства детей. Под руководством родителей ребенок приобретает свой первый жизненный опыт, элементарные знания об окружающей действительности, умения и навыки жизни в обществе [3, с. 22].

Эффективными формами взаимодействия педагогов и родителей в организации совместной работы по формированию представлений дошкольников о пожарной

безопасности являются тематические занятия (например, «Спички - не игрушка, огонь - не забава», «Огонь - друг или враг?», «Пожарная азбука»), спортивные эстафеты (например, «Пожарные забавы»), родительские собрания, дидактические игры (например, «Пожарный эрудит», «Слушай внимательно», «Звонок на номер «01», «Осторожно - огонь!», «Огонь добрый и злой» и др.). Эффективной формой пропаганды является просмотр телевизионных передач, посвященных пожарной безопасности.

Подобные мероприятия, безусловно, помогают достижению основной цели: формированию у детей целостного представления о пожарной безопасности, а также прививают детям навыки безопасного поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойчук В.А. Обучение младших школьников основам безопасного поведения и культуре здоровья // Основы безопасности жизни. 2008. №4. С. 36-37.
2. Григорян Р.В. Педагогические условия и механизмы формирования навыков безопасного поведения младших школьников. Автореф. дис...кан. пед. наук / Университет Российской академии образования. Москва, 2006. 23 с.
3. Макарова Т.Е. Педагогическое диагностирование современной семьи: учебно-методическое пособие для студентов педагогических вузов и педагогов дополнительного образования. Самара: СГПУ, 2001. 150 с.
4. Скрипник Л.Ю. Формирование у подростков навыков пожарной безопасности в системе дополнительного образования. Автореферат на соискание ученой степени кандидата пед. наук. Москва, 2010. 23 с.

TEACHING FIRE SAFETY AT THE SENIOR PRESCHOOL

©2013

E.V. Lizunova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, of the Department of zoology and anatomy, physiology, health and safety of the person
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: The paper dwells upon the problem of teaching fire safety at senior preschool. The author draws attention to the role of game technologies used in class at pre-school educational institutions.

Keywords: fire safety, game technologies, Principles of Personal and Social Safety.

УДК 81(075.8)

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ СМЫСЛОВАЯ ПАРАДИГМА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

© 2013

Л.Ю. Лисовицкая, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы, художественно-эстетических дисциплин и методик их преподавания
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)

Аннотация: Понятие смысловой парадигмы предлагается как инструмент дальнейшей детализации содержания художественного текста, определения лингвистически заданного спектра «дорожек» его осмысления. Референциальные смысловые парадигмы, имея своим основанием ряды кореферентных номинаций, могут быть весьма разнообразны по составу, строению и функциям.

Ключевые слова: художественный текст, интерпретация, смысл, кореференция, распространители именных групп, «Туча», текстообразующая смысловая парадигма, синтаксическая семантика, лингвистический анализ.

Публикации последних лет в области лингвистики художественного текста показывают, что происходит освоение новых текстов на достигнутом уровне анализа, расширение круга специалистов, переход найденных методик в сферу вузовского и школьного образования. Создается впечатление, что лингвистический анализ текста достиг потолка своих возможностей, так и не став базой для всех прочих моделей интерпретации. Между тем продуцирование и восприятие произведений словесного искусства не перестает быть речевой деятельностью, успешность которой зависит прежде всего от уровня речевой способности коммуникантов. Обучение элементам теории литературы, происходящее в массовой школе, может только усовершенствовать речевую деятельность читателя, но не заменить ее. Следовательно, лингвистическая теория художественного текста должна стремиться к тому, чтобы представить пользователю (читателю и учителю читателя) продукт, доступный его

восприятию, т.е. имеющий форму компактную и достаточно обобщенную.

Переход содержательного анализа художественного текста с уровня лингвистической (преимущественно лексической) семантики на уровень смысла может открыть новые перспективы движения в этом направлении. Категория смысла, актуализированная в русле антропоцентрической парадигмы, ближе бытовому сознанию, неосознанной читательской рефлексии, чем семантический анализ. Интегрируя функции языковых единиц всех уровней в речевом потоке, она может представлять лингвосмысловую архитектуру произведений словесного искусства на более высоком уровне обобщения.

Понятие смысловой парадигмы вводится как инструмент тонкой детализации лингвистической и смысловой архитектуры художественного текста. Смысл понимается как совокупный конечный продукт функционирования языковых единиц любого уровня, «мысленное

содержание, то, что может быть понято» [1]. Количество высказываний о неопределенности понятия «смысл» может сравниться только с количеством попыток его определить. Разными авторами упоминаются «воспринятое личностью значение», «то, что можно понять», «понятое содержание», «осознание» - иначе говоря, подчеркивается субъектность, субъективность и процессуальность предмета определения. Б.М. Гаспаров подробно рассмотрел вопрос о том, «до какой степени процесс осмысливания языкового сообщения интимно связан с индивидуальным опытом и строем мышления каждой личности», сопоставив «постструктуральные» представления о «ничем не ограниченной субъективности каждого акта языковой интерпретации» с преувеличенной уверенностью в объективности и единообразии принятых в обществе языковых и культурных «кодов» в их «структуралистическом» понимании [2, с. 294].

Смысл в процессе коммуникации – это некая мысль, которая возникает у реципиента в результате понимания речи автора, момент взаимодействия двух сознаний, двух индивидуальных картин мира, ассоциативно-вербальных сетей, сопряженных общим филологическим пространством и коммуникативной ситуацией. Это взаимодействие-соавторство может быть более или менее полным и может обогащаться в ходе коммуникативного акта и после него, по мере личностного развития соавтора-реципиента. «Понимание — поступательный процесс, на каждом этапе которого достигается определенный уровень обретения смысла (от ограниченного до глубокого)» [3, с. 449]. Выражение Б. М. Гаспарова «смысловая плазма» как нельзя лучше соответствует динамической и субъективной сущности явления. «Ни сам автор, ни его адресат не в состоянии учесть все резонансы смысловых обертонов, возникающие при бесконечных столкновениях бесчисленных частиц смысловой ткани, так или иначе фигурирующих в тексте. Но и автор, и читатель, и исследователь способны — с разной степенью отчетливости и осознанности — ощутить текст в качестве потенциала смысловой бесконечности: как динамическую “плазменную” среду, которая, будучи однажды создана, начинает как бы жить своей собственной жизнью, включается в процессы самогенерации и регенерации» [2, с. 294].

Материально выраженный и авторизованный текст – фиксированный и неоспоримый источник, опора спектра возможных «смысловых обертонов». Задача лингвиста – максимальное раскрытие смыслового потенциала лингвистической ткани текста; это та партитура, от которой не вправе отступать даже самый лучший читатель, способный конгениально развить мысль автора. С точки зрения лингвиста, коренное свойство языкового знака – его воспроизводимость – обеспечивает самоидентичность произведения словесного искусства. Но сам М.Л. Гаспаров не видел возможности лингвистической конкретизации мотива, которая (с определенными допущениями) появилась с развитием когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Мы рассматриваем смысл с лингвистической точки зрения, сознавая, что интерпретатор, будучи, хотя и квалифицированным, но все же реципиентом, носителем языка, не может избежать в интерпретации погрешностей, порожденных его нахождением внутри некоторого фрагмента культурно-речевого процесса и особенностями неповторимого личного опыта. Смысл – совокупный конечный продукт функционирования языковых единиц всех уровней.

Исследователь художественного текста является одновременно читателем, имеет дело с завершенным уникальным произведением искусства и может оперировать только этим конечным продуктом, для осмысления которого все лингвистические правила и закономерности, а также все прочие тексты являются только фоном; поэтому за основу принимается элементарная лингвистическая модель словообразования [4; 5, с. 9-13; 6] – акту-

ализация языкового знака в потоке речи [7, с.129-143].

Носителем смысла в бытовом сознании считается слово как основная единица, значение которой зафиксировано в словарях и в сознании носителей языка; на самом деле в русском языке велик удельный вес грамматических, синтаксических, фонетических, ассоциативных значений, которые реципиент неосознанно учитывает в процессе словообразования. Смысл рождается в слитном, континуальном потоке речи, поэтому исследователю необходимо рассматривать знаки любого уровня, в их числе семантические особенности единиц в индивидуальном тезаурусе автора, тропеические значения, грамматические и синтаксические значения, традиционная символика, ассоциации, создаваемые формой (а иногда и графикой) текста; существенны интертекстуальные связи, узуальные смыслы культурно-исторических аллюзий (как Цусима в стихотворении И.Бродского «Восходящее желтое солнце...») и вообще что угодно, например, частотность и расположение повторов. Следует подчеркнуть, что не языковые единицы, а именно смысловые комплексы разного масштаба являются результатом функционирования языковых средств, а также членами главной смысловой единицы текстового уровня.

Способы актуализации смыслов в художественном тексте могут быть регулярными или уникальными [7, с. 137-154]. Так, в зачине стихотворения Б. Пастернака «Золотая осень» помимо бытийных синтаксических значений словообразующим фактором является соположение, последовательность предложений, благодаря которой время приобретает не только осязаемость пространства, но и дискретность (и конечность) огромного вместилища вместе с его «сказочным», т.е. драгоценным, украшенным зрительным образом:

Осень. Сказочный чертог,
Весь открытый для обзора...

Смысл не может быть отделен от процесса понимания и, следовательно, определенного субъективизма читателя, позиции которого не может избежать даже самый компетентный исследователь, особенно исследователь художественного текста. Существует целый ряд способов верификации смыслов (например, привлечение историко-биографических сведений, интертекстуальный анализ), но системным, закономерным для художественного текста показателем мы считаем дальнейшую разработку (не повтор!) данного смысла в тексте; эту разработку мы и называем смысловой парадигмой (СП). Парадигму «время-пространство» Б. Пастернак разрабатывает на протяжении всего текста, по-разному ее модифицируя, и завершает синтетическим образом дискретного и уже очень ограниченного вместилища-טיפика:

Осень. Древний уголок
Старых книг, одежд, оружия,
Где сокровищ каталог
Перелистывает стужа.

СП может устанавливать своеобразные отношения с поверхностно-событийным содержанием (упрощенно говоря, сюжетом) текста: становиться его компонентом либо, напротив, включать в себя сюжет текста или его отдельные элементы.

Главное свойство смысловой парадигмы – это ее динамичность при сохранении концептуального единства. Как и синтагматический речевой поток, она балансирует между единством, обеспечивающим связность, и постоянным движением, обеспечивающим развитие мысли. Но динамика парадигмы более сложна, она совмещает в себе континуальность и прерывистость, может включать различные перебивки, переосмысления, возвратные движения.

Текстовая смысловая парадигма – единица уникальная, она возникает в процессе развертывания данного текста и существует только в нем; регулярным является лишь организирующее ее основание. Мы видим два типа

таких оснований: собственно смысловой и референциальный.

Референциальные основания, строго говоря, есть отношения кореферентности [8, с. 243]. Единство референциальной парадигмы системно обеспечено на лексикосемантическом уровне (семантическая совместимость кореферентных номинаций, релятивные номинации), лексико-грамматическом (местоимения и другие слова местоименного характера), грамматическом (грамматическая однородность кореферентных имен и именных групп) и коммуникативно-синтаксическом (актуальное членение, указывающее на кореферентность номинаций). Но носителями смыслов – членов текстовой парадигмы референциального типа – являются все же имена и именные группы, благодаря чему и возникает устойчивая иллюзия исключительно лексического характера этого вида текстовых связей.

Поскольку главным предметом художественного осмысления является человек со всем комплексом его связей и отношений, то референциальная парадигма регулярно распространяется членами, входящими в нее на основании семантических связей строго определенного характера, а именно релятивных. Так, в начале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» строки

*Служив отлично благородно,
Долгами жил его отец...*

*.....
Сперва Madame за ним ходила,
Потом Monsieur ее сменил...*

поддерживают тематическое единство характеристики заглавного героя.

Инвариантными являются две функции референциальной парадигмы:

1) поддержание связности и цельности текста, выражающихся в единстве предмета повествования;

2) характеристика этого предмета в его развитии.

Другие функции могут быть разнообразны, но факультативны.

В лирическом стихотворении возможности «смысловой игры» с использованием референциальной текстовой связи весьма ограничены: главные словесные ряды, организованные референциальной связью, – это, как правило, ряды именованных лирического «Я» и/или лирического «Ты».

В стихотворении А.С. Пушкина «Пророк» лирический герой первоначально назван местоимением первого лица:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...*

Результат всех физических и духовных преобразований героя фиксируется изменением номинации, присвоением статуса **пророка**:

*Как **труп** в пустыне я лежал,
И бога глас **ко мне** воззвал:
«Восстань, **пророк**, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей...»*

Один из традиционно анализируемых и литературоведами и лингвистами приемов эстетического использования кореферентного ряда номинаций – это их смысловое опевание, служащее для выражения развития образа или многогранной его характеристики. Приведем лишь один короткий и не требующий пояснений пример. В стихотворении М.Ю. Лермонтова «Утес» развитие образа утеса эксплицировано всего двумя кореферентными именными группами:

*Ночевала тучка золотая
На груди **утеса-великана**...
Но остался влажный след в морщине
Старого **утеса**...*

Форма и объем, графическое оформление лирического стихотворения таковы, что его целостность и связность воспринимаются читателем как заранее заданное

условие, свойство. Поэтому даже наиболее естественная и обязательная для референциальной парадигмы тематическая связность текста оказывается избыточной. Тем интереснее нечастые случаи использования РП как основы для художественного приема в лирическом стихотворении.

Характер художественного приема зависит, по видимому, от лексико-грамматического состава РП. Лексико-семантическая насыщенность его позволяет строить прием на смысловом развитии номинационной цепочки (что, вообще, характерно для произведений большого объема, особенно прозаических).

В небольшом стихотворении кореферентный ряд номинаций слишком мал и для смысловой игры требуется какой-то особый поворот в его развитии. [7, 164-166]

Сама номенклатура референциально связанных номинаций, а также характер выражаемых релятивными отношений может выполнять весьма существенную смыслообразующую функцию. В стихотворении А.С.Пушкина «Вновь я посетил...» лирическое «Я» окружают члены семьи:

*...Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей...*

*.....
...на границе
Владений **дедовских**...*

*.....
И пусть мой **внук**...*

Именно такой набор номинаций обеспечивает противопоставление кровных родственников (*дед – я – внук*) няне, а оно, в свою очередь, выражает важный пласт смысла текста: в родовом, генетическом бессмертии поэт находит выход из трагической мысли о кратковременности личного человеческого бытия.

Игра субъектными и объектными синтаксическими позициями кореферентных или референциально связанных номинаций отражает распределение соответствующих ролей между персонажами. Такой художественный прием использует А. Ахматова в стихотворении «Уединение». Здесь лирическое «Я» выступает поначалу в позиции объекта (синтаксического и семантического), но, пережив драматическое взаимодействие с другими актантами, становится не только субъектом, но и организатором собственного пространства, в центре которого помещается новый субъект - *Музы смуглая рука*. [7, с. 166-168]

Игра субъектно-объектными синтаксическими позициями кореферентных или референциально связанных номинаций – довольно распространенный художественный прием.

Внимание к именным группам, называющим действующие лица, традиционно в литературоведении; современные приемы лингвосемантического компонентного анализа могут сделать его более осмысленным и, если можно так выразиться, технологичным.

В стихотворении А.С. Пушкина «Туча» референциальная смысловая парадигма является текстообразующей не только в тематическом, но и в синтаксическом отношении: вместе с распространителями она занимает практически все пространство стихотворения, создавая своего рода синтаксические и логические «ячейки» для экспликаторов других актантов.

Туча

1. Последняя туча рассеянной бури!
2. Одна ты несешься по ясной лазури,
3. Одна ты наводишь унылую тень,
4. Одна ты печалишь ликующий день.

5. Ты небо недавно кругом облежала,
6. И молния грозно тебя обвивала;
7. И ты издавала таинственный гром
8. И алчную землю поила дождем.

9. Довольно, сокройся! Пора миновалась,

10. Земля освежилась, и буря промчалась,
11. И ветер, лаская листочки деревьев,
12. Тебя с успокоенных гонит небес.

Ядерная часть парадигмы не очень выразительна с лексико-семантической точки зрения, зато создает длинную простую аллитерацию: *туча || – туча – ты – ты – ты || – ты – тебя – ты – || (0) – тебя*. Знаком (0) мы обозначили номинацию, представленную нулевой формой (предполагаемый субъект определенно-личного предложения). Синтаксические конструкции построены так, что частотность кореферентных номинаций постепенно убывает: в первой строфе 4 номинации, во второй три (благодаря однородным сказуемым), в третьей – одна, не считая нулевой номинации в определенно-личном предложении. Синтаксические позиции номинаций тоже меняются: в первой строфе все номинации в позиции субъекта, во второй – одна из номинаций занимает позицию объекта, в третьей в позиции объекта находится единственная вербализованная номинация. Образ тучи постепенно убывает, бледнеет.

Периферия данной смысловой парадигмы оказывается чрезвычайно многочленной, причем синтаксические значения вступают в своеобразные коллизии с лексическими и грамматическими. Так, глаголы-сказуемые семантически могут быть включены в периферию парадигмы, поскольку выражают естественные проявления актанта; в то же время интонационное и синтаксическое доминирование тучи противоречит логическим отношениям между актантами «туча – буря», «туча – небо», «туча – земля». Это подчеркнуто характерной для А.С. Пушкина смысловой рифмой. Ю.М. Лотман, анализируя стихотворение «На холмах Грузии», отмечал рифмантитезы «мгла – светла», «мною – тобою», где «Я» и «Ты» вступали в ассоциацию с образами мглы и света [9]. Подобное явление мы наблюдаем и в стихотворении «Туча»: явное противопоставление рифмующихся «бури – ясной лазури», «унылую тень – ликующий день». Рифмы второй и третьей строфы, наоборот, на первый взгляд, согласуются по смыслу: «облегалась – обвивалась» (при изменении субъектно-объектных ролей), «миновалась – промчалась», «гром – дождем», «древес – небес».

В третьей и четвертой строках есть третий и четвертый слои распространения парадигмы – прямые дополнения с согласованными определениями. Но в третьей строке дополнение «унылую тень» полностью находится в сфере действия тучи, являясь ее производным, тогда как в четвертой строке «ликующий день» является объектом только отчасти: он же является субъектом печали, а в эмоциональном и смысловом отношении противостоит туче и входит в другую смысловую парадигму. «Ясная лазурь» тоже не входит в сферу действия тучи, а вмещает ее и противостоит ей. Так в конце каждой строки возникает почти иконический образ ограничения активности тучи, сопротивления ей.

Во второй строфе распространители первого ряда (определения) отсутствуют; глагольные сказуемые есть в каждой строке, но активность во всех строках разная. В первой строке туча вовлекает в свою сферу все небо,

во второй сама становится объектом активности молнии. В четвертой строке объектом активности тучи является «алчная земля». Эпитет «алчная» – в прямом значении «жадная», но ситуативно актуализируется «алчущая, жаждущая». В итоге создается образ жаждущей земли, жадно пьющей дождь, и этот образ поддерживается артикуляционно-звуковым образом «алч», в котором есть зрительная ассоциация – открытый рот («а»), кинестетическая ассоциация – глотательное движение («л», он же в традиционной звуковой символике образ воды), звуковая ассоциация – «чмокающий» звук «ч». «Алчная земля» позиционно является объектом и входит в сферу активности тучи, но образ настолько активен, что начинает перетягивать, приобретает самостоятельность и наводит на мысль, что напоить жаждущую землю – главный мотив и конечная цель всего действия.

Представленные наблюдения над строением и функциями смысловой парадигмы референциального типа призваны продемонстрировать потенциал предлагаемого направления исследований. Думается, накопление и систематизация значительного корпуса фактического материала, организованного данной моделью исследований, может инициировать новый уровень детализации, нюансировки в области контекстной семантики, поэтики, механизмов организации и восприятия художественного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое Литературное Обозрение, 1996. 350 с.
3. Боров Ю.А. Эстетика. М.: Изд-во МГУ, 2002. 511 с.
4. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. Москва: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. 210 с. Цит. по электронному изданию М., МГУПС, 2002. (Глава «Смысл и значение. Глубина прочтения текста»). Режим доступа <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-012.htm> Дата обращения – 14.03.2013.
5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
6. Стернин И.А. Коммуникативная концепция семантики слова // Русское слово в языке, тексте и культурной среде / Под ред. И.Т. Вепревой. Екатеринбург, 1997. С. 82–87.
7. Лисовицкая Л.Е. Технология лингвистического анализа художественного текста: учебное пособие для студентов педагогических специальностей. Самара: ПГСГА, 2011. 236 с.
8. Падучева Е.В. Корреферентность // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. Ярцева В.Н. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с. С. 243.
9. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985. 296 с.
10. Лотман Ю.М. Анализ стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла» Режим доступа <http://www.ruslibrary.ru/default.asp?trID=457> Дата обращения – 25.05.2013.

REFERENCIAL SENSE PARADIGM IN THE LITERARY TEXT

© 2013

L. Y. Lisovitskaja, candidate of philological sciences, associate professor, associate professor of the Department of Russian language, literature, artistic and aesthetic subjects and methods of teaching Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)

Annotation: The notion of sense paradigm is considered as instrument of further detailed elaboration of content of literary text, defining of linguistically determined spectrum of “ways” of its comprehension. Referential sense paradigms, having a number of co-referential nominations in their basis, can be various in composition, structure and functions.

Keywords: literary text, interpretation, sense, co-reference, spreaders of nominal groups, text forming semantic paradigm, syntactic semantics, linguistic analysis.